

Соловьёва Н.В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского
языкознания БГПУ

Формулы с компонентами *сърдьце* и *лице* в русском языке XI – XVII вв.

(к вопросу о символизме языковых значений)

Обращаясь к изучению языковых состояний древнейших эпох, исследователь сталкивается с иной, принципиально отличной от современной системой культуры. Речь идет, прежде всего, о синкретизме русского средневекового мировосприятия, предопределившего глубокий всеобъемлющий символизм древнерусской культуры и языка. «Символическое значение имела буквально каждая грамматическая форма, иногда даже – каждый графический знак, с помощью которого выражался тот или иной признак символа» [1, с. 134].

В полной мере средневековый символизм был воплощен в семантике языковых знаков, что, в свою очередь, предопределило возможности их сочетаемости, а также специфику механизмов фразообразования. Иллюстрацией сказанного, в частности, могут послужить формулы с компонентами *сърдьце* и *лице*, отмеченные в русском языке XI – XVII вв.¹

В основе семантики славянского слова **sъrdьse* (др.-р. *сърдьце*, ст.-сл. *сръдьце*) лежит общеиндоевропейское представление о ‘середине’, ‘внутренности (человека)’ [2, с. 605]. Показательной в этом отношении является возможность контекстной синонимической замены *сръдьце* – *жтроба* в старославянских письменных памятниках [3, с. 806]. В соответствии с древнейшими славянскими представлениями «сердце - середина» - место (часть тела), где сосредоточена жизненная сила человека, источник его биологического существования (физиологический орган), а также чувства и эмоции (психоэмоциональная сфера). При этом указанные смыслы было бы неоправданно рассматривать как самостоятельные,

¹ В исследовании использованы материалы: Словарь русского языка XI – XVII вв.: Вып. 1 - 25 / АН СССР, Ин-т рус.яз. – М.: Наука, 1975 – 2000. – Вып. 1 – 25.

отчетливо выделяемые значения лексемы *сърдьце*. В древнерусском языковом сознании представления о «середине (человека)» - «сердце - органе» - «эмоциях и чувствах» оказывались теснейшим образом связаны, что обеспечивалось онтологическими воззрениями средневековья, в соответствии с которыми место (середина) и находящиеся там объекты нераздельны, «едины по своей сути» [4, с. 100]. Вполне прозрачна и связь представлений «сердце - орган» - «эмоции и чувства»: очевидно, зависимость между психоэмоциональными состояниями и изменениями сердечной деятельности была замечена еще в глубокой древности. Между тем древнейшее языковое сознание еще не вполне способно разграничивать причину и следствие, процесс и условие его протекания, внутренние психологические состояния и внешние физиологические проявления. Приняв во внимание обозначенные условия средневекового мировосприятия, семантику древнерусского слова *сърдьце* следует рассматривать не как совокупность разрозненных лексико-семантических вариантов, а как целостный комплекс смыслов – синкрету (по В.В.Колесову), в основании которой лежит древнейшее славянское представление о личностных особенностях – «внутренней сущности» человека.

Семантическая специфика др.-рус. *сърдьце* обеспечила широкие сочетаемостные возможности слова, реализованные в словесных формулах, широко представленных в древнерусской письменности: *держати сърдьце*, *быти въ (ч.-л.) сърдьце*, *иматися въ едино сърдьце* и др. Внутренняя форма данных сочетаний при ближайшем рассмотрении оказывается прозрачной. Так, *быти въ (ч.-л.) сърдьце* значит ‘быть частью / соответствовать внутренней сущности кого-л.’: *И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: азъ буду тобѣ в срце и въ приязньство* (Лавр.лет. (980 г.), 76, 1377 г.).

С позиций современного исследователя – носителя русского языка образность подобных формул не вызывает сомнений, однако важно заметить, что образность эта имеет особую природу, поскольку создается не в результате вторичного переноса именованного, а обусловлена спецификой

средневекового мировидения – объемного, целостного и потому образного уже в самой своей сути. Созвучно этому замечание В.В. Колесова о «прагматической ценности» древнерусских устойчивых формул, которые следует рассматривать «как средство хранения и передачи информации без всякой поэтической заданности» [5, с. 140].

Действительно, в условиях отсутствия научных знаний о личностной структуре человека и соответствующей научной терминологии сложно найти более точное и семантически емкое языковое определение внутреннего мира человека, чем древнерусская формула *имѣти (к.-л.) сьрдыце* с лексически переменным, но структурно обязательным атрибутивным элементом. Так, *имѣти чисто сердце* значило ‘иметь непорочную, бесхитростную, незапятнанную внутреннюю сущность, сугубо позитивные личностные качества’: *кто ся похвалитъ чисто имѣти сердце* (ВМЧ Окт. 4-18, XVI в.). В то же время, *имѣти тяжько сердце* – ‘иметь жестокую внутреннюю сущность; проявлять негативные чувства’: *онъ же на нихъ про то тяжько сердце нача имѣти* (Моск. лет (1147 г.), 40, XVI в.).

Синонимично данной формуле сочетание *держати сьрдыце* – буквально ‘содержать середину, внутреннюю сущность’, что также предполагает наличие переменного атрибутивного элемента, как, например, в контексте *А на нас лиха сердца не держи* (Лавр. лет. (1176), 379, 1377 г.), который следует интерпретировать как призыв не испытывать чувств и эмоций (и, соответственно, не проявлять их вовне), определяемых прилагательным *лихо (сердце)*. Дальнейшая судьба рассматриваемого сочетания связана с утратой атрибутивного элемента, что является свидетельством семантической трансформации слова *сердце* в рамках формулы, выразившейся в развитии связанного значения ‘негативное чувство, эмоция’: *на нас сердца не держи но поѣди на свою отчину* (Моск. Лет. (1176), XVI в.).

Возможность употребления формулы *держати сьрдыце* в значении ‘испытывать негативное чувство’ вполне объяснима: в составе сочетания

держати (к.-л.) *сърдце* переменный атрибутивный элемент характеризовал преимущественно негативное чувство, что явилось отражением общей установки языкового сознания на обостренное восприятие и словесную фиксацию именно этого разряда психоэмоциональных явлений. Частотность же употребления формулы способствовала закреплению негативных смыслов за именным элементом сочетания, что, в свою очередь, сделало возможным появление в русском языке глаголов *серчать*, *сердиться*.

Помимо функционирования в качестве языковых объективаций психоэмоциональных состояний, формулы с компонентом *сърдце* выступают и как средство обозначения когнитивных процессов. Представление о сердце как инструменте познания не является исконным для славянской культуры. Древнерусское «сердце» - это своеобразный центр (средоточие) страстей, область «*emotio*», не поддающаяся контролю извне, что в полной мере иллюстрируют рассмотренные выше словесные комплексы типа *лихо сърдце держати*.

Связь представлений о «сердце» с мыслительными процессами, осознанными и контролируемыми желаниями и стремлениями появляется в древнерусской культуре вместе с христианством, во многом сохранившим следы древнееврейских и арамейских религиозно-мифологических представлений, в частности, представлений о «сердце» как об «органе понимания» [6, с. 24]. Отождествление «сердца» и «рассудка, разума» буквально пронизывает текст Св.Писания, в особенности Ветхий Завет: «Я дам им сердце, чтобы знать Меня, что Я Господь» (Иер., 24:7).

Представления о «сердце» как элементе сознания, области «*ratio*» проникали в славянскую культуру опосредованно, через греческие переводы священных текстов. При этом славянские переводчики в стремлении не нарушить «бог вдохновенный» текст, сохранить все особенности оригинала нередко прибегали к пословному переводу. *Приклонити сърдце, приставити сърдце, приложити сърдце* – эти формулы представляют собой перевод греч. *κλινω καρδια*: приклони сердце мое (*κλινον την καρδια*

мощи) *въ свѣдѣннїя твоя, а не в лихоимство* (Пс.118 : 36). Варьирование глагольного элемента в древнерусских сочетаниях отражает поиск как можно более точного соответствия для греческого глагола *κλινω*, значение которого в языке – источнике представлено множеством смыслов: ‘склонять’, ‘приставлять, прислонять’, ‘класть, укладывать, лежать’, ‘поворачивать’ и под.

Руководствуясь необходимостью в сохранении формальных и смысловых свойств оригинала, древнерусский переводчик, очевидно, все же интуитивно ощущал несоответствие между эксплицированными в тексте и собственными представлениями, в частности, об интересующем нас фрагменте картины мира, что привело к появлению вариантных формул *приставити сѣрдьце – приставити умъ, приложити сѣрдьце – приложити умъ*. Ср.: *Богатство аще течеть, не прилагайте сердца* (ВМЧ, Сент. 14-24. XVIв.) – *Не на мольбу умъ прилагаеши, но како бы кого озлобити* (Поч. Серапиона Вл. XIV-XVвв.).

Так или иначе, но внутренняя форма переводных заимствованных выражений оставалась непрозрачной для носителей древнерусского языка, о чем свидетельствует ограниченность сферы употребления перечисленных формул только лишь переводными библейскими текстами.

Между тем нельзя не обратить внимание на тот факт, что устойчивые выражения, где слово *сѣрдьце* семантически соотносимо с деятельностью рассудка, сознания, отмечены и в летописных источниках. Так, например, в Ипатьевской летописи встречаем *Вложи Бѣ в сѣце мысль блгу* (Ипат. лет, XV в.), где сердце выступает какместилище мыслей человека. Очевидно, появление подобных формул в древнерусских текстах следует связать с ментализацией – «семантическим насыщением новыми смыслами» [1, с. 198] древнерусского слова *сѣрдьце* вследствие восприятия библейских представлений о сердце как инструменте познания и их освоения древнерусским языковым сознанием. Заимствованный образ в данном случае

оказывается «вписанным» в существующую систему славянских представлений о «сердце - середине», внутренней сущности человека.

Семантическое взаимодействие с заимствованным словом в рамках переводных контекстов и связанные с этим трансформации исходного смысла возможно проследить на примере др.-р. *лице*.

Происхождение общеслав. **lice* до конца не ясно. В достаточной степени достоверные этимологические соответствия в индоевропейских языках обнаружены не были, и это, безусловно, существенно усложняет выявление исходной семантики слова. И все же есть основания думать, что в праславянскую эпоху **lice* означало 'вид' в самом широком понимании – как наружность вообще, внешняя, видимая сторона любых, одушевленных и неодушевленных, объектов. На это указывает, в частности, сопоставление рефлексов общеслав. **lice* в славянских языках и диалектах [7, с.75-78]. О семантическом потенциале слова свидетельствует и его употребление в переводных старославянских и древнерусских текстах, где *лице* соответствует древнегреческим *πρόσωπον* (внешний вид как то, что снаружи; наружность), *μέτωπον* (внешний вид как передняя, видимая сторона), *εἶδος* (внешний вид как объект эстетической оценки), *χαρακτήρ* (внешний вид как изображение, форма).

В исходном значении слова *лице* сема чувственного визуального восприятия (лицо – то, что на виду) оказывается тесно связанной с пространственными (видимой является передняя / верхняя часть объектов: *лицо земли*) и оценочными («на виду» оказывается, как правило, лучшая, наиболее привлекательная сторона: *показать товар лицом*) значениями. При этом речь также не идет о семантической производности: в значении древнего слова указанные смыслы взаимно предопределены и составляют семантическое единство – синкрету.

Материалы древне- и старорусских письменных источников иллюстрируют обособление первоначальных семантических линий и терминологизацию отдельных значений, хотя тесная связь пространственных

– чувственных – эстетических смыслов в семантике слова *лице*, по-видимому, сохраняются в русском языковом сознании на протяжении еще долгого времени. Вместе с тем, специфика первоначального значения задала основные направления исторического развития семантики слова *лице*.

Исторические трансформации пространственного аспекта семантики др.-р. *лице* – ‘то, что впереди/вверху; передняя, верхняя часть’ представляют наибольший интерес хотя бы потому, что слово *лицо* в обычном для современного носителя языка значении ‘передняя часть головы человека’ является результатом развития этой семантической линии.

Несмотря на то, что в значении ‘передняя часть головы человека’ слово *лицо* фигурирует в летописи и в «Русской Правде», сложно установить, что явилось определяющим в специализации данного значения: внутриязыковые механизмы переноса именованного по принципу синекдохи или же влияние др.-греч. *πρόσωπον*, обнаруживающего определенную семантическую общность с «пространственными» смыслами др.-рус. *лице*. В таких случаях, видимо, значимы оба фактора, и взаимодействие с иноязычным словом становится лишь толчком к раскрытию имеющегося семантического потенциала, изначально присущего древнерусскому слову.

Оформлению значения ‘передняя часть головы человека’ способствовало употребление слова *лицо* в составе переводных устойчивых формул, которые, несмотря на заимствованный характер, оказывались содержательно понятны и не требовали особого семантического толкования. *Потъмъ лица своего ѿси хлѣбъ си* (Сл.Ио.Дамаск., Усп.сб. XII-XIII вв.) – смысл заимствованной формулы прозрачен в силу соотнесенности с реальной внеязыковой ситуацией: трудиться так, чтобы на лице выступил пот → усердно, с полной отдачей. Между тем употребление слова *лицо* в переводных выражениях демонстрирует и расхождения в исходной семантике древнерусского и древнегреческого слова. Ср.: *И отиде изъ земля ханаонския с лица Иаковля брата своего* (Быт. XXXVI, 6; Библия, 1499 г.); *Повелѣ прѣдбнаго поставити предъ лицемъ своимъ* (Ж.Вас.Нов., 369, XIV

в.). *Лицо* здесь выступает как необходимое условие/инструмент визуального восприятия: *пред лицемь* – ‘в пределах видимости’, *с лица* – ‘из поля зрения’. «Чуждость» данного смысла древнерусскому языковому сознанию, для которого *лицо* – это, прежде всего, объект восприятия (то, что на виду), ограничила функционирование перечисленных выражений рамками переводных религиозных текстов, в то время как в языке летописи и деловых документов значение непосредственного визуального восприятия выражают формулы с опорным словом *око*: *на очахъ быти, на очи пустити, съ очей сослати* (ср. в СРЯ: *попасться на глаза, уйти с глаз*).

Преимущественное употребление слова *лицо* как ‘передняя часть головы человека’ в текстах культово-религиозной направленности вполне закономерно в рамках христианской культуры, где на фоне общего отрицания телесности, внешнего вида вообще, лицу как части тела придается особое значение «выразителя» внутренней сущности человека. Данная особенность, составляющая одну из характерных черт византийского и древнерусского живописного канона, в полной мере проявлена и в словесном портрете, прежде всего, в рамках житийной литературы, где «положительные типы непременно обладают красивой и величественной внешностью, отрицательные – наделены отталкивающей наружностью» [8]. *Лице*, таким образом, оказывается в определенном смысле противопоставлено *сердцу* как внешнее и внутреннее, чувственно воспринимаемое и непостижимое с помощью обычного восприятия. Такое разграничение регулярно для книжных текстов: *Члкъ бо зреть въ лице а Бъ въ срце* (Панд.Ант., XI в., л.104). Попытка языкового разрешения данной антиномии состояла в языковом разделении материального (*лицо* как внешняя оболочка, маска → *личина*) и идеального (*лицо* как внешнее проявление высокой духовности → *ликъ*). Слову *лице* / *лицо* в этом синонимическом ряду отводится роль нейтрального члена со значением ‘передняя часть головы человека’.

Как результат одновременного действия внутриязыковых механизмов терминологизации и семантического влияния иноязычного слова (др.-греч.

прѡσωπον) следует, по-видимому, рассматривать и значение *лицо* – ‘человек как социально-правовой субъект’. С одной стороны, в старорусской деловой письменности *лицо* обозначает человека как непосредственно воспринимаемый объект, «человек наяву» (*Государево жалованье... давати всѣмъ на лицо, а за очи и подставою денегъ никому не давати* (ААЭ III, 307); *обыскивати с лица на лице, и за очи обыскных людей не писати* (Суд.Фед.Ив.(пр.), 410, 1589 г.)), что иллюстрирует развитие исконной семантической линии ‘то, что на виду, в наличии’. С другой стороны, уже в ранних переводных судебныхниках появляется понимание лица (соотв. др.-греч. *прѡσωπον*) как от-личия, в первую очередь, внешнего, выделяющего конкретного человека из числа других «лиц»: *Аще ли от клирика или от иного лица пришествие на еѣсна будѣт переѣе... митрополит по сѣбѣм каноном и по нашему закону вещь да судит* (Корм.Балаш., 202, XVI в.)

Взаимодействие двух обозначенных факторов семантического развития слова *лицо* могло привести в конечном итоге к формированию термина, однако в старорусском языке этот процесс не был завершен, и «слово *лицо* до XVII – начала XVIII в. не обозначало человека вообще, индивидуума, персонаж, так же как и не выражало до XIX в. значения ‘индивидуальный облик, отличительные черты, совокупность индивидуальных признаков’» [8].

Таким образом, исходный символизм семантики др.-р. *сърдьце* и *лице* был предопределен целостностью средневекового мировосприятия, основанного на образно-интуитивном постижении сущности вещей: *сърдьце* ‘середина’ - ‘то, что внутри (в середине)’ - ‘внутренняя сущность человека’; *лице* ‘верхняя часть, поверхность’ - ‘то, что на виду (на поверхности)’ - ‘лучшая (нарядная) сторона’. Семантическая трансформация исходного символа выразилась в появлении и специализации отдельных значений под воздействием традиционного употребления в составе формул: *держати лихо сърдьце* – *держати сърдьце* – *серчать/сердиться*. Фактором, способствующим разрушению исходного символизма и терминологизации отдельных значений являлось также семантическое взаимодействие

древнерусского и иноязычного слова в рамках переводных контекстов (*лицо* – ‘передняя часть головы’, ‘социальный субъект’). В то же время, диссонанс внутренней формы древнерусского языкового символа и значения иноязычного слова препятствовал семантической трансформации, ограничивая такие употребления узкими рамками переводных формул (*приложити сьрдыце, поставити предь лицемь*).

Литература

1. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В.Колесов. - СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М.Фасмер; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1964-1973. – Т.3 – 1971. – 827 с.
3. Старославянский словарь: По рукописям X-XI вв. / Славян. ин-т Акад. наук Чеш.Респ., Ин-т славяноведения и балканистики РАН; Под ред. Р.М.Цейтлин и др. - М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
4. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я.Гуревич. – М.: Иск-во, 1984. – 350 с.
5. Колесов, В.В. Древнерусский литературный язык / В.В.Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
6. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
7. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз. - Москва: Наука, 1974 –. Вып.15. – М.:Наука, 1988. – 264 с.
8. Виноградов, В.В. Из истории слова «личность» в русском языке до середины XIX в. / В.В.Виноградов // История слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wordhist.ru/lichnost.html> – Дата доступа: 15.10.2011.